

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a dark suit and tie, looking towards the woman. The woman is on the right, with long blonde hair, looking back at him. They are outdoors at sunset or sunrise, with a warm, golden light in the background. The text "Брак без согласия" is overlaid in the lower half of the image.

Брак без согласия

18+

Фиона Фиона

Брак без согласия

<https://litres.ru/74567332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их знакомство начинается с её неловкого косяка — и его ядовитого хамства, от которого хочется провалиться сквозь землю. Потом — холодный приказ: «Ты станешь моей женой», без права на отказ, без объяснений. Он ломает её привычный мир одним словом.

Она ещё не знает, что такое настоящая власть мужчины — и уж точно не догадывается, как эта власть может обжигать. Но чем яростнее кипит их взаимная ненависть, тем быстрее она переплавляется в безумную, запретную страсть — ту, что сжигает дотла и не оставляет шанса на побег.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7

Фиона

Брак без согласия

Глава 1

В три сорок семь утра я поняла, что сейчас упаду. Не в переносном смысле — в самом прямом. Ноги гудели, в глазах двоилось, а судно в руках вдруг стало невероятно тяжёлым. Я привалилась плечом к стене, сделала вдох. Вдох получился сиплым, как у старухи. Не спала двадцать два часа. Смена в клинике, потом кафе, потом снова клиника — потому что Оксана попросила подменить, у неё что-то с матерью, а я не умею говорить «нет», когда у кого-то что-то с матерью. Шла на автомате. Третий этаж, поворот, ещё один пролёт. Лестница служебная, здесь всегда пахнет хлоркой и чем-то металлическим. Лампы горят через одну, экономят. Я знала этот маршрут наизусть — каждую ступеньку, каждую трещинку в кафеле. Ночной санитар — это не профессия, это состояние. Ты ходишь по коридорам, как призрак. Тебя не замечают. Ты не замечаешь себя. В руках — судно. Обычное больничное судно, металлическое, с крышкой. Из-под крышки пахнет. Я не смотрю. Просто несу. Донести до санитарной комнаты, вылить, обработать, вернуть. Обычная процедура. Сто раз делала. Я уже видела впереди дверь на четвёртый этаж — там

санитарная, там примут, и я смогу спуститься в ординаторскую и, может быть, даже поспать двадцать минут на кушетке, пока Галина Павловна не найдёт, чем меня загрузить. Дверь открылась. Я не успела среагировать. Просто не успела — рефлексы спят, когда ты спишь на ходу. Кто-то шагнул навстречу, я дёрнулась в сторону, судно качнулось. Крышка — плохо защёлкнутая, потому что спешила, потому что всегда спешу — соскочила. Содержимое плеснуло вперёд. На мужчину. На его пальто. На его лицо. Я замерла. Судно в руках, пустое уже, только на дне плещется остаток. А передо мной стоит человек — высокий, светловолосый, в тёмном пальто, которое теперь покрыто пятнами. На щеке — капля. На воротнике — разводы. На груди — мокрое пятно, и с него капает. Он не двигается. Секунду. Две. Три. — Извините! — выпаливаю я. — Извините, пожалуйста, я не хотела, я вас не заметила, я спешила, простите, я сейчас... — Ты что, совсем идиотка?! — перебивает он. Голос — как удар. Отскакивает от бетонных стен, бьёт по ушам. — Ты вообще головой думаешь или она у тебя для красоты?! — Я не специально! Честное слово, я... — Фу. — Он смотрит на свои руки, на пальто, на мокрое пятно на груди. — Отвратительно. Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделала? Ты понимаешь, что это такое?! — Я извинилась! Я правда... — Это дерьмо! — орёт он. — Ты вылила на меня дерьмо! Человеческое дерьмо! Ты — тупая, безрукая, никчёмная... — Хватит! — кричу я. Голос срывается. — Хватит орать на меня! Я ведь пыта-

юсь извиниться!— Извиниться?! — Он почти смеётся. Почти. Но это не смех, это что-то злое, как кашель. — Ты пытаешься извиниться? Ты? Да что ты вообще о себе возомнил?! Ты никто! Ты ноль! Ты здесь никто, поняла?! Такие, как ты, должны сидеть дома и не высовываться, а не ходить по клиникам и разливать дерьмо на людей!— Ну хватит уже! — Я кричу в ответ. Слёзы уже близко, я чувствую их, горячие, злые, они подступают к горлу. — Я знаю, что виновата! Я знаю! Но унижать-то зачем?! Я тоже человек! Он открывает рот, чтобы что-то сказать. Но я не слушаю. Я разворачиваюсь. И иду вниз по лестнице. Быстро. Судно в руках. Слёзы на щеках — я их не вытираю, не могу, руки заняты.— Завтра в девять утра! — кричит он вслед. — Кабинет Галины Павловны! Административный корпус! Услышала?! Я не отвечаю. Просто иду. Вниз. К выходу. В темноту. Выбегаю на улицу. Ночь. Холод. Фонарь мигает. Я сажусь на бордюр — прямо в мокрый снег, плевать, — ставлю судно рядом. И вот тут меня накрывает. Слёзы. От злости. От обиды. От усталости. Я плачу, вытираю лицо рукавом, но слёзы всё равно текут. Двадцать два часа без сна. Две работы. Мамины лекарства, которые дорожают каждый месяц. И этот мужик, который орал на меня, как на последнюю тварь. Я сижу, смотрю на судно рядом. Пустое, грязное. И понимаю: завтра в девять утра. Кабинет Галины Павловны. Административный корпус. Это увольнение.

Глава 2

Смена закончилась в семь. Я переоделась, умылась в служебном туалете — холодная вода, серое мыло, бумажные полотенца, которые не впитывают. Посмотрела на себя в зеркало. Двадцать два года, а под глазами — тени. Кроссовки — те самые, с треснувшей подошвой. Волосы собраны в хвост. Форма мятая — спала в ней.

До девяти оставалось два часа. Домой ехать смысла не было — всё равно обратно. Я пошла в ординаторскую. Там никого. Кушетка жёсткая, под голову — свёрнутая куртка. Я легла. Закрыла глаза. Думала, что не усну. Уснула.

Через час меня разбудил телефон — будильник. Я села, потёрла лицо. Голова тяжёлая. В сумке — конспекты. Анатомия. Я учусь в медицинском колледже, на третьем курсе. Завтра зачёт. Я достала тетрадь, села за стол, включила настольную лампу. Буквы расплывались. Я читала, но не понимала. Прочитала абзац, вернулась, перечитала. Бесполезно. Я закрыла тетрадь, убрала в сумку. Всё равно не запомню.

В девять я поднялась на третий этаж административного корпуса. Здесь другой воздух. Не хлорка, а кофе и что-то древесное. Ковролин вместо кафеля. Лампы горят все, ни

одна не мигает. Я шла по коридору и чувствовала, как мои кроссовки оставляют следы на ворсе — не грязные, но всё равно чужие.

Кабинет Галины Павловны — в конце коридора. Дверь тёмная, тяжёлая. Я постучала.

— Входите.

Галина Павловна сидела за столом. Спина прямая, очки на носу, перед ней — папка. Она не предложила сесть. Просто посмотрела на меня поверх очков.

— Соколова. Вчера в три сорок семь утра на чёрной лестнице четвёртого этажа вы допустили нарушение. Пролили биоматериал на сотрудника клиники. Вы понимаете серьёзность?

— Да.

— Нет, не понимаете. — Она сняла очки. — Вы пролили содержимое судна на члена совета директоров. На человека, который владеет этой клиникой.

У меня внутри всё оборвалось. Владелец. Этот человек — владелец.

— Я... я не знала...

— Это не имеет значения. — Галина Павловна закрыла папку. — Соколова, вы работаете у нас полгода. Не на полную ставку. Без официального оформления. Вы понимаете, что я могу вас уволить прямо сейчас, и вы даже не сможете ничего оспорить?

Я кивнула. Горло сжалось.

— Садитесь, — сказала она вдруг.

Я села. Ноги не держали.

— Я не буду вас увольнять.

Я подняла глаза. Не поняла.

— Марк Владимирович... — она сделала паузу, — ...попросил не увольнять вас.

Марк Владимирович. Владелец. Человек, на которого я вылила судно. И он попросил не увольнять.

— Почему? — вырвалось у меня.

Галина Павловна поджала губы.

— Я не спрашивала. И вам не советую. — Она вздохнула.

— Работайте как работали. Но если ещё раз что-то подобное

— вы уходите. Без рекомендаций. Ясно?

— Ясно.

— И ещё. — Она посмотрела на меня внимательно. — Я бы на вашем месте извинилась. Перед ним. Лично. Вы понимаете, о чём я?

— Да.

— Свободны.

Я вышла в коридор. Ковролин, кофе, лампы. Всё то же. Меня не уволили. Но внутри — пустота и звон.

Я шла к лифту. И вдруг остановилась.

В конце коридора, у окна, стоял он. Марк. В другом пальто — тёмно-сером, без пятен. Смотрел на улицу. Потом повернулся. Увидел меня.

Секунду мы просто смотрели друг на друга. Я — в мятой форме, с треснувшей подошвой. Он — в чистом пальто, с ровным пробором. Между нами — десять метров коридора, ковровин, лампы.

Я вспомнила слова Галины Павловны. «Извинилась бы. Лично».

Я подняла голову. Выпрямила спину. И пошла к нему. Ровно. Спокойно. Как будто мне всё равно. Как будто я не спала двадцать два часа. Как будто у меня не трясутся руки.

Остановилась в двух шагах.

— Марк Владимирович, — сказала я. Голос ровный. — Я прошу прощения за вчерашний инцидент. Это вышло случайно. Я не хотела. Но я должна извиниться. Потому что это было неправильно. С моей стороны.

Он смотрел на меня. Молча. Высокомерно. Как на что-то мелкое, что подвернулось под ноги. Не сказал ни слова. Просто смотрел. Долго. Так, что мне захотелось отвести взгляд. Но я не отвела.

А потом он развернулся. И пошёл. К лестнице. Не сказав ни слова.

Я стояла. Смотрела ему в спину. И внутри всё кипело. Он даже не ответил. Даже не кивнул. Просто ушёл.

— А вы не хотите извиниться? — сказала я вслух.

Он остановился. Медленно повернулся.

— Что ты сказала?

— Вы меня оскорбили. Вчера. Кричали. Называли безрукой идиоткой. Никчёмной. Говорили, что я никто и ноль. — Я смотрела ему прямо в глаза. — Я извинилась. Вы — нет. Вы не хотите извиниться за то, что унижали меня?

Он смотрел. Секунду. Две. А потом усмехнулся. Одним углом рта. Холодно.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Ты вылила на меня дерьмо. На моё лицо. На моё пальто. И ты ждёшь, что я буду извиняться?

— Я не говорю, что вы не имели права злиться. Я говорю,

что вы перешли границу. Оскорбления — это не злость. Это унижение.

— Унижение, — повторил он. Как будто пробовал слово на вкус. — Ты знаешь, что такое унижение, Соколова?

— Знаю. Вчера узнала.

Он шагнул ко мне. Ближе. Я не отступила.

— Я тебя не уволил, — сказал он тихо. — Ты это понимаешь? Я мог. Ты должна была вылететь отсюда вчера. Но я тебя оставил.

— Почему?

— Потому что пожалел.

Я замерла. Вот оно. Пожалел.

— Галина Павловна мне рассказала, — продолжил он. — Про твою мать. Про то, что ты одна. Про то, что ты работаешь на двух работах и учишься. Бедная девочка. Тяжело живётся. Я решил — пусть остаётся. Пусть работает. Мне не жалко.

— Мне не нужна ваша жалость, — сказала я. Голос ровный. Но внутри всё горело. — Мне не нужны подачки. Мне нужны извинения. Я перед вами извинилась. Извинитесь и вы.

— За что?

— За то, что оскорбляли меня. За то, что кричали. За то, что называли никчёмной. Я человек. И я не заслужила такого обращения. Даже если вылила на вас дерьмо. Это было случайно. А ваши слова — нет.

Он смотрел на меня. Долго. Как вчера — в конце лестницы. Изучающе. Как будто я — что-то, что он не ожидал здесь найти.

— Знаешь что, Соколова? — сказал он наконец. — Ты уволена.

Я замерла.

— Что?

— Уволена. Прямо сейчас. Иди в отдел кадров. Получишь расчёт.

— Да и пожалуйста, — сказала я.

Слова вылетели сами. Раньше, чем я успела подумать. Я стояла, смотрела на него — и улыбалась. Зло. Устало. Мне было плевать. Плевать на всё.

Он смотрел на меня. Секунду. Две. Три.

А потом развернулся. И пошёл. К лестнице. Шаги — ровные, спокойные. Как будто ничего не случилось. Как будто он только что не раздавил меня.

А я стояла. Смотрела ему вслед. И думала: ну и ладно. Найду другую работу. Я всегда находила.